

Ся Пинву уверенно приземлилась на ноги и машинально посмотрела на стоявшую рядом Цзи Цзе. Цзи Цзе уже помог подняться Мао Сицин; сейчас она опустила голову и разглядывала пол, не решаясь поднять взгляд на старшую.

Тогда Ся Пинву легко тронула Мин Чуньшань за руку, призывая ослабить хватку, сделала несколько шагов вперед и мягко произвела:

— Малышка, у тебя отличная база. Если бы ты могла начать с...

Она не успела договорить, как ее за плечо оттянули назад.

А следом раздался голос, словно бы исходящий ледяной крошево:

— Какая польза от хорошей базы, если победа добыта нечестно, а пользуешься чужой слабостью?

Конечно, это была Мин Чуньшань.

Слова прозвучали донельзя резко, лицо девушки мгновенно побледнело, и Мао Сицин тут же заступилась за нее, начиная извиняться:

— Капитан Мин, простите! Во всем виновата я, Сяо Цзи просто хотела вступить за меня...

— Ты, разумеется, тоже виновата, — оборвала ее Мин Чуньшань с ледяным выражением в глазах. — Если не можешь справиться даже со стажером, то на что ты вообще будешь годиться в будущем?

Она разозлилась по-настоящему.

Окружающие молча стали расходиться, однако никто не осмеливался делать вид, будто ничего не произошло: все тихонько забились по четырем углам тренировочного зала и боялись даже пикнуть.

Жань Чжуцзюнь попыталась сгладить углы:

— Я же стояла рядом и всё видела. Защитные маты кругом очень прочные, раз Пинву сама была не против...

— Была не против? Она-то не знает своего собственного состояния, а ты разве тоже не знала?

— Мин Чуньшань скосила глаза, и ее взгляд резал ножа лучше, выдавая намерение не щадить никого.

Отчитывала любого, кто попадался под руку, и огрызалась на каждого встречного.

Вокруг снова воцарилась тишина — на сей раз действительно гробовая, никто не смел произнести ни звука.

Спустя мгновение те, кто прятал лица, вдруг заметили, как пара ног неожиданно пришла в движение: сделав несколько шагов вперед, человек обошел Мин Чуньшань спереди.

Машинально подняв головы, они увидели, как эта девушка протянула руку и мягко поддержала Мин Чуньшань за щеки.

Все произошло настолько быстро, что даже сама Мин Чуньшань не успела отреагировать, тут же утонув взглядом в знакомых глазах.

Ся Пинву стояла прямо перед ней и пристально всматривалась в ее лицо.

Она смотрела так сосредоточенно, что казалось, будто под этим взглядом обнажается вся внутренняя неприглядность и скверна.

В один миг Мин Чуньшань растеряла весь свой пыл, инстинктивно пытаясь отпрянуть назад, но Ся Пинву лишь крепче обхватила ее ладонями за щеки.

Ощущая внутреннюю тревогу, та по привычке надула губы и капризно позвала:

— Старшая сестрица...

Ся Пинву по-прежнему молча смотрела на нее. Они встретились взглядами, и спустя пару минут старшая наконец заговорила.

От нее прозвучало:

— Чуньшань, ты делала это нарочно, чтобы покрасоваться передо мной?

Изначально это был всего лишь добровольный товарищеский поединок, но в итоге атмосфера накалилась до предела — и каждый прекрасно понимал, ради кого именно.

Всем было неловко, а той, кого защищали, — вдвойне.

Ся Пинву отступила на шаг и, скосив взгляд, позвала:

— Жань Чжуцзюнь, пойдём отсюда.

Жань Чжуцзюнь машинально откликнулась, а когда Ся Пинву перехватила ее за запястье, невольно бросила взгляд на Мин Чуньшань.

Хотя она и понимала побуждения Ся Пинву, но Мин Чуньшань только что при всех публично лишили лица...

С ее ракурса было прекрасно видно, как всего за пару мгновений бурный всплеск эмоций скрылся за плотно сжатой линией губ Мин Чуньшань, и даже только что бушевавшее раздражение оказалось надежно загнано внутрь.

Не впервые наблюдая подобную выдержку, Жань Чжуцзюнь все равно не могла не восхититься.

В мгновение ока Ся Пинву уже вытянула ее наружу; стоило им сделать за спиной хотя бы шаг, как оттуда донесся топот бросившейся в погоню Мин Чуньшань.

В таком темпе, преследуя друг друга, они добрались до вестибюля на первом этаже. Заметив, что Ся Пинву направляется напрямик к стоянке, Мин Чуньшань наконец совершила резкий прыжок и перехватила ее.

Ся Пинву остановилась, Жань Чжуцзюнь тоже замерла рядом, и обе повернулись к Мин Чуньшань.

Крепко вцепившись в руку Ся Пинву, Мин Чуньшань жалобно протянула:

— Сестрица, я была неправа. Поехали домой.

Ся Пинву кивнула, демонстрируя сговорчивость, однако вытянула руку из ее хватки, скрестила руки на груди и спросила:

— В чем именно была неправа?

Это означало, что появился шанс на примирение.

В глазах Мин Чуньшань мелькнул огонек; напрочь забыв о присутствии Жань Чжуцзюнь, она качнулась вперед, пытаясь прижаться к Ся Пинву.

Но та решительным движением выставленного локтя преградила ей путь и чеканно повторила:

— В чем ты была неправа?

— Я не должна была устраивать сцену при всех, — послушно признала вину Мин Чуньшань. — Мне следовало заставить их писать объяснительные тет-а-тет.

Она перевела взгляд на Жань Чжуцзюнь, которая как раз тихонько пятилась назад:

— И ты тоже. Тебе тоже придется писать объяснительную.

— Тебе самой впору писать объяснительную, — бросила на нее косой взгляд Ся Пинву и махнула рукой Жань Чжуцзюнь: — Пока, я тогда домой.

Это значило, что они помирились.

Присутствующие облегченно выдохнули. Жань Чжуцзюнь попрощалась с ними взмахом руки, а Мин Чуньшань пулей бросилась вперед, чтобы сесть за руль.

Транспорт спустя десять лет сильно изменился. Оперевшись щекой о руку, Ся Пинву сидела у окна и боковым зрителем следила за движениями Мин Чуньшань, как вдруг услышала ее голос:

— Сестрица, все они — посторонние люди. Что бы они ни говорили, не принимай это близко к сердцу.

Взгляд Ся Пинву замер, сосредоточившись на Мин Чуньшань:

— Что именно они говорят?

Мин Чуньшань на мгновение смолкла и ответила уклончиво:

— ...Сестрица, я знаю: твоею заветной мечтой всегда было стать величайшим Мастером Сверхспособностей.

— Ты уже добилась этого. Честно. Объединенное управление сверхспособностей навечно сохранит память о твоем величии.

Значит, Чуньшань и впрямь обо всем догадывалась.

Понимала, какие толки и пересуды могли преследовать ее по пятам.

Наверняка она и сама, тогдашняя, семь лет назад, прекрасно это понимала.

Именно поэтому она и выбрала уход в тень, прикрывшись предлогом восстановления сил, чтобы вернуться домой?

То ли из-за того, что рукопашный бой отнял большую часть сил, но, стоило Ся Пинву прислониться к спинке сиденья, как ей показалось, будто каждый дюйм ее тела нещадно ноет, словно после жестоких побоев.

Машина шла плавно. За окном мелькали бесчисленные рекламные щиты: где-то рекламировали жилье с защитой от внезапных нападений диких зверей, где-то — оборонительное вооружение, якобы способное сдерживать натиск диких зверей, а еще...

Блюда из картофеля во всевозможных вариациях.

Картофель.

Уже засыпая, Ся Пинву вдруг вспомнила одну вещь.

Она помнила, как в первые дни вспышки нападений диких зверей центральное правительство пыталось замять слухи о мутациях из-за радиации, но в народе все равно находились любопытствующие, которые, рискуя жизнями, вели какие-то странные изыскания.

Среди прочего они выясняли, какие именно вкусовые предпочтения гарантируют, что дикий зверь не позарится на человека.

Подобные изыскания вряд ли способствовали защите населения в целом, поэтому мало кто обращал на них внимание, однако исследователи упрямо довели дело до конца и опубликовали выводы.

Хотя методология вызывала вопросы, результат гласил: наибольший коэффициент безопасности был у тех, кто обожал картошку.

Позже эта весть разлетелась сарафанным радио, и, руководствуясь принципом лучше перестраховаться, чем потом жалеть, люди расхватали весь картофель во всех супермаркетах.

А со временем даже в Управлении нашлись те, кто уверовал в это поверье, так что после первой великой битвы на столах выживших неизменно красовался картофель.

Семья Наставницы не стала исключением.

Вот только сама Ся Пинву с детства не выносила картошку: ни соломкой, ни ломтиками, ни во фритюре, ни чипсы, ни тушеную с говядиной — терпеть ее не могла.

Но поскольку она жила на чужом попечении, то не смела перебирать харчами и стеснялась таращиться в другие блюда, поэтому порой оставалась полуголодной.

В те времена Мин Чуньшань неизменно с видом победителя съедала всю картошку первой, а затем, намеренно изображая запоздалое раскаяние и смущение, пододвигала Ся Пинву остальные блюда в качестве компенсации.

Наставница пару раз отчитывала Мин Чуньшань за это, но Ся Пинву всякий раз пользовалась случаем заступиться за нее, так что подобные мелкие стычки всякий раз сходили на нет.

Это был их маленький молчаливый секрет, и даже теперь, вспоминая об этом, Ся Пинву ощущала щемящую нежность. Только вот...

Она снова вспомнила их первую трапезу здесь и картофельную соломку на столе.

Она повернула голову к Мин Чуньшань. На улице уже зажглись редкие уличные фонари, а на гигантском рекламном баннере всюду сияла строка:

□Ешь по картофелине в день — и дикий зверь обойдет тебя стороной.□

□Первое правило для горожан: каждая семья обязана употреблять картофель за каждым

приемом пищи.□

Ся Пинву тихо произнесла:

— Мин Чуньшань, давай расстанемся.

В салоне резко взвизгнул тормоз, машина мгновенно замерла на месте. Мин Чуньшань повернула голову к Ся Пинву, которая прикрыла глаза, и выдавила из себя охрипшим голосом:

— Что ты сказала?

— Давай расстанемся, — голос Ся Пинву звучал бесстрастно, на лице не дрогнул ни один мускул. — Мое нынешнее состояние никак с тобой не связано, тебе не нужно нести за это ответственность.

Мин Чуньшань машинально бросилась оправдываться:

— Нет, сестрица, я осталась здесь не только ради тебя. Это место — исток появления диких зверей, и здесь погибла мама...

— Я знаю.

Поэтому дело не только в этом.

Повернувшись к ней, Ся Пинву чеканно проговорила:

— Чуньшань, пока я нахожусь рядом с тобой, пересуды за твоей спиной не утихнут никогда.

— Точно так же, как я никогда, ни за что не полюблю есть картошку.

Она беспокоилась о своем физическом состоянии, но еще больше — о том, как бы из-за нее та не запустила службу.

Будь то оформление ежегодного отпуска ради нее или случай, когда она пошла напролом с оружием наперевес против коллеги.

Мин Чуньшань ничего не ответила. Сидя на водительском месте, она молча сжала руль до побелевших костяшек.

В кабине раздавалось лишь прерывистое дыхание Мин Чуньшань.

Спустя мгновение Ся Пинву поинтересовалась:

— Мне сейчас самое время выметаться из машины?

— Сиди на месте.

Бросив эти три слова, Мин Чуньшань толкнула дверь, выскочила наружу и с грохотом захлопнула ее.

Эхо от удара двери еще витало в воздухе. Глядя на ключ, по-прежнему торчавший в замке зажигания, Ся Пинву даже нашла в себе силы подумать:

Наверное, Чуньшань была уверена, что у нее до сих пор нет прав.

Вот сдаст тайком на права — и в следующий раз просто угнанет ее машину.

А пока что оставалось только ждать, пока Чуньшань вернется за руль.

К тому же...

Хотя ее только что сказанные слова прозвучали довольно жестоко, но... она ведь не солгала.

Это были ее искренние мысли.

Оперевшись рукой о голову, Ся Пинву запуталась в собственных мыслях.

К тому же — то ли ей мерещилось, то ли нет — она отчетливо ощущала, как из самых глубин тела к самой макушке поднимается жгучая волна жара.

Внезапное недомогание вызвало легкую тревогу, и Ся Пинву скосила глаза в окно, оценивая обстановку.

Если Чуньшань отъехала недалеко, она сможет окликнуть ее и попросить отвезти в больницу.

Она уже шарила глазами по сторонам, как вдруг замерла.

Мин Чуньшань поблизости не наблюдалось, зато обнаружился другой, смутно знакомый силуэт.

Тот самый человек, что пристально разглядывал ее в вестибюле Управления.

Странно. Разве в Управлении уже закончился рабочий день? И этот человек случайно оказался ровно на той парковке, где встала машина Чуньшань?

Ся Пинву нашарила в кармане телефон, собираясь сделать снимок, заодно позвонить Жань Чжуцзюнь и попросить придумать что-нибудь, чтобы вытащить ее отсюда, но телефон, как назло, мигнул индикатором низкого заряда и прямо у нее на глазах медленно погас.

Беда не приходит одна.

Чуньшань пропала, телефон разрядился, а выходить наружу вслепую было слишком опасно.

Ся Пинву повернула голову, намереваясь получше разглядеть приметы той фигуры, но обнаружила, что стоило ей на мгновение отвлечься, как силуэт бесследно растворился.

В сердце шевельнулось непривычное беспокойство, как вдруг слух уловил глухой стук.

Кто-то стучал в стекло со стороны водительского сиденья.

Обернувшись, Ся Пинву увидела вернувшуюся Мин Чуньшань. Голос той уже звучал спокойно:

— Почему телефон выключила?

Откуда Чуньшань узнала? Она что, как раз пыталась до нее дозвониться?

Смягчившись сердцем, Ся Пинву качнула трубкой:

— Сел.

Мин Чуньшань кивнула, затем подняла руку и зеркально повторила ее движение.

В ее руке обнаружился пакет.

Продолжая говорить, она пояснила:

— Прости, сестрица, я была неправа.

Бегло оценив выражение лица Ся Пинву, она постаралась придать голосу максимально мягкое звучание:

— Я тут сбегала купить тебе лекарства. Поехали домой, м?

Оказывается, та бегала за лекарствами.

Возможно, она вовсе не срывалась с места в гневе и не собиралась бросать ее здесь просто так.

Ся Пинву уже собиралась дать согласие, как волна духоты накатила с новой силой, ослепляя и заставляя мир кружиться перед глазами.

Поняв, что что-то не так, Мин Чуньшань отложила пакет и нырнула внутрь салона:

— Сестрица, тебе плохо?

Оставив вопрос без ответа, Ся Пинву лишь покачала головой и потянулась, чтобы перехватить

Мин Чуньшань за руку.

Раз уж дело не в слепой ярости, ей нужно было договорить.

Стоило ей вцепиться в запястье, как оттуда пахнуло новой волной жара, и сквозь пелену она расслышала голос Ся Пинву:

— Чуньшань, дослушай меня.

— Мы не сможем быть вместе вечно, а ты слишком одинока. Если меня не окажется рядом, что ты будешь делать одна?

Остаток фразы утонул в плече, который Мин Чуньшань резким движением набросила ей на голову, заглушая слова и делая их неразборчивыми.

Опять за свое.

Она не хотела этого слушать.

Прибавив печку и тронувшись с места, Мин Чуньшань заговорила под гул мотора, отчего ее тон казался еще более отрешенным:

— Мы всегда будем вместе.

— По крайней мере, здесь, в Управлении, нам не суждено вечно быть рядом.

У Ся Пинву не осталось сил сбросить плед с головы. Лениво откинувшись на спинку кресла, она проговорила уже совершенно заплетающимся языком:

— Чуньшань, я хочу, чтобы у тебя появилось побольше друзей. Неважно, среди сослуживцев или...

Скорость машины внезапно снизилась.

Не успела Ся Пинву договорить, как авто остановилось на красный свет светофора. Плед соскользнул, и Мин Чуньшань заглянула ей в лицо.

Ся Пинву машинально подняла глаза, даже не подозревая, что ее собственные зрачки заволочла матовая пелена влаги от палящего жара.

Наклонившись к ней, Мин Чуньшань коснулась нежной кожи подбородка Ся Пинву подушечками пальцев, покрытых мозолями от долгих тренировок.

Дистанция сократилась до предела, их горячее дыхание смешалось. Ся Пинву попыталась широко распахнуть глаза, но мир по-прежнему плыл.

Она услышала хриплый шепот Мин Чуньшань, доносившийся совсем рядом:

— Сестрица, ты и вправду так думаешь?

Неужели всё дело лишь в переживаниях о том, что у нее нет друзей?

Ся Пинву медленно моргала, рассеянно соображая, почему запах чужого дыхания у самого носа вдруг показался таким обжигающим.

Разве ее болезнь зашла так далеко?

К тому же...

Они находились непозволительно близко.

Из-за этого ей едва не показалось, будто Мин Чуньшань намеревается ухватить ее за подбородок и поцеловать.

Возможно, все дело было в плохом самочувствии, поэтому соображала Ся Пинву чуточку медленнее, чем следовало, и лишь с опозданием собралась оттолкнуть ее, когда боковым зрением отметила смену красок впереди.

Красный сменился зеленым.

Обжигающее тепло мгновенно отдалилось, машина плавно тронулась с места.

Что ж, значит, ей и впрямь показалось.

<http://bllate.org/book/20886/2111651>